Мягков Герман Пантелеймонович
д-р ист. наук, профессор
ЧОУ ВО «Казанский инновационный
университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»
профессор
ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

АНТРОПОЛОГО-СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИОГРАФИИ: ВКЛАД ПРОФЕССОРА Т.Н. ИВАНОВОЙ В ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация: *в статье рассматривается становление «коммуникативной историографии» в рамках антрополого-социокультурного поворота конца XX – начала XXI века и оценивается вклад доктора исторических наук, профессора Т.Н. Ивановой в изучение истории научных коммуникаций. На примере исследовательского пути ученого прослеживается эволюция подходов к анализу научной школы В.И. Герье: от ранних работ о начале изучения Великой французской революции в России до создания фундаментальной трудов о роли В.И. Герье и его школы в формирование науки всеобщей истории в России. Особое внимание уделяется «антропологической» модели научной школы, разработанной Т.Н. Ивановой на базе широкого корпуса архивных источников и переписки. Через реконструкцию коммуникативных практик (семинаров, селекции, протекции и личного взаимодействия учителя и учеников) раскрывается процесс воспроизводства и преемственности научного сообщества. Отмечается также собственная педагогическая и организационная деятельность Т.Н. Ивановой, приведшая к складыванию ее научной школы.*

Ключевые слова: *антрополого-социокультурный поворот, коммуникативная историография, научные коммуникации, научная школа, герьеведение, интеллектуальная история, историографический быт, преемственность в науке.*

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Все мы в большей или меньшей степени являемся свидетелями и даже участниками глубокой внутренней трансформации исторической науки [24, с. 75]. Долгое время историю отечественной историографии изучали как процесс смены идейно-политических течений. Кафедры, университетские уставы, параграфы монографий, идейно-политические установки… Из этой макрооптики часто выпадал сам творец знания. Однако антрополого-социокультурный поворот конца XX – начала XXI века кардинально изменил ситуацию. Фокус внимания сместился на «мир историка» – его повседневность, ментальность, стратегии поведения и, самое главное, на его связи с коллегами. Развернувшееся интенсивное изучение научных сообществ в российском интеллектуальном пространстве позволило пролить свет на коммуникативную структуру науки, выяснить степень ее разнородности, особенности научных / интеллектуальных коммуникаций, механизмы передачи информации, их роль в подготовке новых кадров, в формировании и поддержке научных сообществ с присущими им типами поведения, системами ценностей, сетевой структурой организации и т. д.

При этом процесс коммуникативного поворота был стремителен. Имея корни в трудах философов и науковедов 1970 – 1980-х годов, он проявился в исследованиях историографов только на рубеже веков. Важную роль на этом пути, по признанию историков науки, сыграли исследования И.Л. Беленького, Б.С. Кагановича, В.П. Золотарева, С.И. Михальченко, М.П. Мохначевой, Б.Г. Могильницкого, В.М. Панеяха, Б.Г. Сафронова, А.Н. Цамутали и др. Но собственно к выявлению социально-организационной структуры и характеристике и роли коммуникативных связей в числе первых обратились В.П. Корзун, Л.П. Репина, Г.П. Мягков, Н.Н. Алеврас, С.И. Маловичко, Н.В. Ростиславлева, Е.А. Ростовцев, А.В. Антощенко, А.В. Свешников, В.Г. Рыженко, С.Б. Крих, А.А. Кузнецов, Н.В. Гришина, М.А. Мамонтова, Д.А. Цыганков, В.А. Филимонов, Ю.С. Никифоров и др. Важную роль в истории коммуникативного поворота сыграли «омские» конференции (проводились в 1993–2012 гг. Их бессменными руководителями были профессора В.Г. Рыженко, В.П. Корзун, Н.А. Томилов и др. [25]) и состоявшаяся в 2002 г. в Саратове конференция «Ис-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

торик на пути к открытому обществу», на которой одной из центральных обсуждаемых тем стала «Историко-научное сообщество. Центры, коммуникационные связи, школы, учителя и ученики». Происходит взлет схоларной проблематики [3; 19] и разворачивается процесс формирования «коммуникативной историографии» [1]. Именно тогда созданные такие институции, как Центр интеллектуальной истории (ИВИ РАН) (1), РОИИ с его подлинно всероссийской сетью отделений (2), альманах интеллектуальной истории «Диалог со временем» (3), становятся модераторами и трансляторами интеллектуальной истории как исследовательского проекта, изменяющего историографическую культуру. В результате осуществляемая в РОИИ разработка целой программы историографического осмысления схоларной проблематики [24, с. 124] способствовала продвижению изучения коммуникативных практик в фокус внимания историков. В науку вступила целая плеяда исследователей, создавших монографические исследования и защитивших диссертации, посвященные изучению, скажем обобщенно, коммуникативно-схоларного процесса в истории исторической науки в России и СССР в XIX – начале XXI вв.

В этом процессе формирования «коммуникативной историографии» фундаментальное место занимают труды доктора исторических наук, профессора Татьяны Николаевны Ивановой. Ее исследования не просто расширяли знания, они открывали новую оптику изучения научных сообществ через призму теории коммуникаций.

Каким был путь Татьяны Николаевны к теме, исследование которой прежде всего определило ее место в науке? Полагаю, что на этом пути по меньшей мере можно выделить две реперные точки.

Первая – время обращения тогда еще вступающего в науку ученого к фигуре В.И. Герье, к изучению его жизни и творчества. Это было связано с определением темы кандидатской диссертации при поступлении в аспирантуру по кафедре нового и новейшего времени Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета, возглавляемую профессором В.Г. Ревуненковым [5]. Поступая в аспирантуру, Татьяна Николаевна намеревалась продолжать те-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

му дипломной работы о В.И. Герье, избранную по совету и выполненную под руководством А.П. Даниловой (Данилова Антонина Петровна, к.и.н., доцент, зав. кафедрой всеобщей истории (1988–2002) Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, в 1979 г. защитила в МГУ диссертацию «Р.Ю. Виппер как историк античности» (научный рук. д.и.н., проф. В.И. Кузищин)). И хотя труды самого В.Г. Ревуненкова вызвали бурную полемику в советской науке, под крышей руководителя такого ранга исследование о В.И. Герье как историке, начавшем в России изучение Великой французской революции, было успешно выполнено и защищено в 1984 г. в диссертационном совете Ленинградского университета [7].

Говоря о значении этого исследования, отметим, что замысел монографического изучения биографии и исследовательской практики В.И. Герье одновременно возник в начале 1980-х годов – и смог реализоваться – в дискурсивном пространстве двух школ: томской, руководимой профессором Б.Г. Могильницким, и школы В.Г. Ревуненкова в Ленинградском университете. Тогда в советской историографии о В.И. Герье было принято говорить только как о «фигуре второго плана», к тому же находившемся в конфронтации с прогрессивными течениями в русской исторической науке. В этой ситуации и были осуществлены исследования Е.С. Кирсановой [17] и Т.Н. Ивановой. Они отразили тенденцию размывания жесткого монизма советского марксизма, открывавшую новое мыслительное пространство. В свете поставленной нами в данной статье темы, укажем и то, что, изучив труды Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, М.С. Корелина, Р.Ю. Виппера, П.Н. Ардашева и др., Т.Н. Иванова пришла к выводу о явном влиянии концепции революции учителя на ранние работы и лекционные курсы по истории Франции XVIII в. его учеников.

Мое знакомство с Татьяной Николаевной произошло «заочно»: в 1989 г. я получил в дар ценный подарок – книгу «Великая французская революция и Россия» (М., 1989) от ее редактора, профессора МГУ Анатолия Васильевича Адо. В этом фундаментальном издании была опубликована статья Татьяны Ни-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

колаевны «В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России (по материалам лекционных курсов Герье)» [8]. А ровно через год мы встретились и познакомились на организованной нашей кафедрой (кафедрой всеобщей истории КГУ) конференции «Ранние буржуазные революции и современная историческая мысль». Тогда же я получил в дар от Татьяны Николаевны сборник статей «Эпоха Великой французской революции: проблемы истории и историографии», подготовленный к 200-летнему юбилею революции в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова. В опубликованной в нем статье Татьяны Николаевны «Оценки книги А. Токвиля «Старый порядок и революция» русской буржуазно-либеральной историографией второй половины XIX – начала XX в.» [13] уже слышались новые мотивы и выдвигались идеи, порождаемые временем расставания с господством моноидеологии.

На конференции мы работали в одной секции «Великая французская революция: новые и старые пути в историографии». Ею руководил профессор А.В. Адо. Зная, что я буду писать отчет о работе конференции, он мне передал свои записи-заметки. Среди них читаем: «Русская и советская историография. Классический сюжет – русская школа. 3 сообщения и все дали новое. Татьяна Николаевна Иванова – к истокам = как формировали в русских ун-х в 70–80-е г. специалистов-историков, в т.ч. области Французской революции! (лекции, семинары)». Далее следовали заметки о выступлениях В.П. Золотарева и Г.П. Мягкова. Кроме того, были даны характеристики докладов и других участников: С.Н. Короткова, А.В. Чудинова, З.А. Чеканцевой, Л.А. Пименовой, С.Ф. Блуменау и др. Завершил обзор Анатолий Васильевич словами: «Уезжаю обогащенным. Надежда – на подъем и расцвет…». И верно. Из 19 докладчиков 14 стали докторами наук, среди них и Татьяна Николаевна Иванова.

Но должны были пройти годы, чтобы после более чем 15-летнего перерыва ученый вернулся к теме, связанной с творчеством В.И. Герье. Свое значение сыграла конференция «Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики», прошедшая в Казанском университете 5–7 октября 2006 г. Здесь, как говориться, звезды сошлись. В разговорах мы обнаружили го-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

товность и заинтересованность в сотрудничестве в работе над темой о В.И. Герье.

Мои мотивы были связаны с тем, что на первом этапе работы над темой о «русской исторической школе» в те же годы, что и Татьяна Николаевна (мы защитили свои диссертации в один год – 1984) я исходил из господствовавших в марксистской парадигме идеи о стержневой роли для определения принадлежности ученого к школе его теоретико-методологических позиций. И, как известно, на этом основании В.О. Ключевскому отказывали в праве быть основоположником школы, собравшей под свои знамена историков-позитивистов [4, с. 27–66], а В.И. Герье – в принадлежности к «русской исторической школе» [22, с. 63–65, 81–85; 14; 15, с. 534–536]. Переход на позиции антропо-социокультурной парадигмы, осуществленный во второй половине 1990-х гг., привел меня к выводу о иной конфигурации «русской исторической школы», а на этой основе – к новому видению роли и места В.И. Герье в истории русской науки [22, с. 201–207].

В результате сделанные наблюдения и выводы о проблеме лидерства В.И. Герье в «русской исторической школе» были одобрены оппонентами (Г.И. Зверева, Л.П. Репина, Р.М. Валеев, А.Н. Цамутали) в процессе защиты докторской диссертации (2000) и рецензентами книги «Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» Г.И. Зверева, Л.П. Репина) [6]. Но в то же время было подчеркнуто: «…нельзя не отметить, что в некоторых, хотя и исключительно редких случаях имеют место довольно зыбкие допущения. Так, например, нам представляется, что тезис о «лидерстве В.И. Герье» *нуждается в дополнительных доказательствах*: примечательно, что сам автор посчитал нужным снабдить его целым рядом оговорок. Но именно такое решение вопроса о лидерстве оказывается очень важным для последующего объяснения… Тезис работает на авторскую концепцию, а значит, *его система доказательств должна быть существенно укреплена*» [6, с. 369; выделено мною. – *Г.М.*]. Лучшего обоснования темы о В.И. Герье как о «родо-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

начальнике «русской школы» (определение В.П. Бузескула) – научной школы всеобщих историков в России не найти!

Интерес к творчеству В.И. Герье продолжал развиваться, в частности, в связи с предложением редакции «Диалога со временем» дать рецензию на увидевшую свет в 2003 г. книгу Е.С. Кирсановой «Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье» [18]. Автор книги в полной мере испытал негативное отношение старших коллег к В.И. Герье при утверждении темы кандидатской диссертации, и только принципиальная позиция ее научного руководителя, проф. Б.Г. Могильницкого, открыла путь к ее изучению. В момент работы над рецензией (2003 г.) я вынужден был констатировать как актуальную задачу возвращение В.И. Герье заслуженного положения в русской науке. На ее решение в тот момент работала, кроме трудов Е.С. Кирсановой и Т.Н. Ивановой, пожалуй, только опубликованная в 2002 г. статья Д.А. Цыганкова «Профессор Московского университета В.И. Герье (1837–1919)» [28]. Высоко оценивая монографию Е.С. Кирсановой, я вынужден был отметить «узость круга персоналий», фигурировавших, наряду с В.И. Герье, в русской историографии, среди них не было и учеников ученого [21, с. 380].

Встреча с Татьяной Николаевной имела следствием то, что стала возможной постановка, безусловно, научно значимой темы, которая в итоге обрела такую формулировку: «Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века»).

Последовали годы напряженного исследовательского труда. Татьяна Николаевна успешно проделала тот же путь выхода из «шинели» советской историографии», что и автор этого текста [2]. Мы переживали, по определению Н.Н. Алеврас, «взаимосвязанную цепь интенсивно-происходивших перемен в институциональных и теоретико-методологических сферах исторического и историографического знания» [2, с. 54]. Хронологически этот период (микромомент) я бы определил первым десятилетием XXI в., к завершению которого изучение коммуникативных практик достигло такого положения, что стало

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

«традиционным сюжетом историографических конференций» [27]. Это заключение было сделано относительно проходившей 7–8 октября 2011 года в Челябинске конференции «История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XXI вв.», а 24 ноября 2011 г. на заседании диссертационного совета в Казанском университете состоялась защита докторской диссертации Т.Н. Ивановой [9]. Оппонентами выступали Л.П. Репина (ИВИ РАН), И.Г. Воробьева (Тверь), О.В. Синицын (Казань), внешний отзыв давал Омский университет (В.П. Корзун).

Каковы же итоги огромного исследовательского труда Татьяны Николаевны? «Материально», кроме «кирпича»-диссертации, они явили немалую сумму – 55 опубликованных текстов, в том числе две монографии объемом 44 п.л. [10; 12]. Из этого числа публикаций до определения темы докторской диссертации (1984–2005) было издано 15 работ. Понятно, что исследование захватило ученого, но важны были и огромная работоспособность, и высокая исследовательская культура, и наличие накопленных еще в аспирантские годы архивных материалов, которые неустанно пополнялись. Татьяна Николаевна с максимальной полнотой использовала возможности, открывавшиеся для участия в дискуссиях на конференциях, организованных РОИИ и проходивших на «площадках» ИВИ РАН, МГПУ (Москва), региональных центров (Казань, Ижевск, Пермь, Йошкар-Ола, Омск, Челябинск, Нижний Новгород и др.).

Особо отмечу присущий Татьяне Николаевне свой, авторский, подход к методологии исследования. В числе первых она, решая задачи реконструкции коммуникативных сетей в сообществе дореволюционных историков, почувствовала и реализовала эвристический потенциал теорий М. Полани, Л. Тевено, разрабатываемых коллегами концептов «историографического быта», «школообразующих практик», переакцентировала под влиянием схоларного подхода исследовательский интерес на преподавательскую работу ученого, «на его деятельность в качестве лидера научной школы, учителя и наставника» [20, с. 156–157] и т. п. Именно в эти годы такие понятия, как «коммуникация», «коммуникативное поле», «коммуникативное пространство», «коммуникативный подход в ис-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

торическом познании» и т. п. из маргинального или вспомогательного инструментария переходят в состав ключевых методологических подходов в российской историографии.

Попытаюсь выделить те новаторские результаты исследований Т.Н. Ивановой именно в изучении проблемы научных коммуникаций, учитывая, что и последовавший после 2011 года период был плодотворным, что он отмечен не только новыми трудами, но и организацией исследований уже собственных учеников, складыванием основ научной школы.

Методологическое самоопределение, разворот интереса к коммуникативным практикам, к вопросам классификации научных сообществ привели Т.Н. Иванову к выработке «антропологической» модели научной школы, в которой коммуникации рассматриваются не в качестве фона, а «инструментом», позволяющим вскрыть инфраструктуру научного сообщества, формирующую его сеть межличных связей. На конкретном примере показано, что начало процесса формирования школы Герье было связано с профессионализацией русской исторической науки: в 1870-е годы острый недостаток квалифицированных кадров по всеобщей истории для расширяющейся сети университетов побудил Герье избрать курс на подготовку энциклопедически образованных профессоров-универсалов. А ведь именно этот поворот провидчески усмотрел и одобрил в докладе Татьяны Николаевны в 1990 г. Анатолий Васильевич Адо.

Особым сегментом изысканий ТН. Ивановой стали вопросы «механики» воспроизводства научной школы. Мне доставляло особое удовольствие читать страницы с описанием работы Герье с учениками, прослеживать вместе с автором этапы этой работы – селекции – отбора из студенческой массы, протекции – помощь тем, кого в последующем видел Герье способными к профессорской кафедре, личные отношения учителя и учеников, особенно в период написания ими диссертаций [10, с. 212 и сл.]. Описанный Татьяной Николаевной алгоритм, который был выработан В.И. Герье для подготовки молодых ученых, имеет, без сомнения, практическое значение и в условиях XXI в [15, с. 41]. При этом во главу угла ставится такое общение, при котором и посредством которого пере-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

давалась определённая научная традиция, в первую очередь идея всеобщей истории, восходящая к Т.Н. Грановскому. Коммуникации без концептуального содержания недостаточны. Разделяя т.н. триединую модель научной школы, согласно которой школа является и носителем определенной научной концепции [22], Т.Н. Иванова самое пристальное внимание уделяет содержательной стороне наследия Герье, его вкладу в изучение проблем всеобщей истории [10, гл. 2; 12, гл. 2, 3].

Фундаментальность исследований Т.Н. Ивановой определяется прежде всего источниковой базой. Меня поражали результаты находок, объемы выявленных и, соответственно, введенных в научный оборот архивных материалов, что позволило уверенно утверждать, что Герье как педагог и организатор науки реализовал в Московском университете «школообразующую» традицию, восходящую к реформам 1860–1870-х годов. Вот и переписка в работах Ивановой – не биографический фон, а ценнейший источник изучения научной коммуникации: по ней восстанавливаются маршруты трансляции задач, методов и самого статуса «учеников» и т. п.

Другой опорой исследований служат материалы, отнесенные историографом Ивановой к глубоко исследуемой и означенной ею традицией «герьеведения». В результате историография школы сама предстает как история коммуникаций. В свете таких подходов и сделанных наблюдений можно сформулировать вывод, значимый для коммуникативной модели: научная школа существует не как формальная оболочка, а как действующий канал преемственности, и когда коммуникации обрываются, «школа» распадается даже при сохранении всех формальных признаков. Иными словами, научная, тем более научно-педагогическая школа жива, пока живы практики – семинары, переписка, протекция, издания, научные кружки, сообщества и прочие формы взаимодействия, и умирает вместе с ними. Полагаю, что в этой плоскости лежат проблемы и неудачи современных «опытов» по созданию школ, когда бездумно тасуют учебные планы, награждая лекционными курсами, одновременно лишают профес-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

соров права вести семинары, в погоне за модными «курсами» уничтожают фундаментальную подготовку.

Наконец, не могу не отметить, что так глубоко понять и раскрыть методику работы В.И. Герье с учениками мог только человек, который сам переживал проблемы и радости подобного труда. Поэтому на этом трудном пути Татьяна Николаевна на всех этапах своей педагогической работы обращалась / «советовалась» со своим героем, опиралась на открытый ею опыт. С первых шагов своей учебной и научной деятельности Татьяна Николаевна имела самый разнообразный опыт быть «встроенной» в разнообразные действующие коммуникативные инфраструктуры. Поэтому в ее исследовании научной школы В.И. Герье мы можем видеть случай саморефлекторного исследования. Поскольку мне он близок, могу говорить, что в методике реконструкции научной школы важно понимать коммуникативную логику, по которой организовано профессиональное сообщество самого исследователя. Спасибо нашим учителям, нашим коллегам, которые демонстрировали такие практики.

Описанная саморефлекторность в жизни и деятельности профессора Т.Н. Ивановой имеет и конкретное персональное измерение. Она воспитала уже не одно поколение историков. Среди них – защитившие под ее руководством кандидатские диссертации ученики: А.Н. Зарубин (2012), Н.Н. Агеева (2016), О.В. Захарченко (2018), О.О. Дмитриева (2019), Н.О. Самылкин (2025), что позволяет говорить о создании ею научной школы. Но это лишь звено, в котором воспроизводится посредством коммуникации предыдущее звено.

Решимся вписать творчество Т.Н. Ивановой и ее учеников в систему коммуникаций отечественной исторической мысли. В свое время наш коллега, авторитетный исследователь творчества В.И. Герье и Московской школы, имеющий свою концепцию развития научных школ, Д.А. Цыганков рассказал в книге «В.И. Герье и Московский университет его эпохи» [27] о теории «трех рукопожатий» между современными историками университета и В.И. Ключевским с В.И. Герье, которые позволяют ощутить традиции общения разных поколений [27, с. 6]. Пожалуй, именно столько могло быть «рукопожатий», связываю-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

щих Т.Н. Иванову с одним из основоположников «русской исторической школы» И.В. Лучицким, если учесть ее прямое ученичество у проф. В.Г. Ревуненкова, который был учеником профессора Е.В. Тарле – ученика И.В. Лучицкого. В таком же количестве «рукопожатий» Татьяна Николаевна находится и от своего любимого героя – Владимира Ивановича Герье, если учесть, что В.Г. Ревуненков был также прямым учеником Я.М. Захера (1893–1963) – ученика Н.И. Кареева, который был первым в плеяде ученых, воспитанных В.И. Герье.

Признавая связанность научной деятельности Татьяны Николаевны с Казанским университетом, с кафедрой всеобщей истории, с ученичеством у автора этих строк [11, с. 302–303], правомерно видеть принадлежность ее и к казанской ветви историографической науки всеобщей истории. Она восходит через моего дорогого учителя, «учителя всех учителей» Казани и Татарстана (определение В.С. Королева) доцента Василия Ивановича Адо (1905–1995), школившегося у профессора С.П. Сингалевича (1887–1954) и профессора В.Т. Дитякина (1896–1956), к их учителю – профессору Казанского университета с 1900 г. М.М. Хвостова (1872–1920), который слушал лекции и прошел через семинары В.И. Герье, П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера в период обучения в Московском университете в 1891–1995 гг.

Обращая внимание наших учеников на такие генеалогические линии в развитии науки и обучая видеть цепочки наставничества, передачи знаний от учителя к ученику, представлять последовательность и преемственность идей и научных школ, возможно, удастся найти пути решения «важной проблемы» – понимания того, «как именно выстраивается интеллектуальная генеалогия и создается образ научной школы…» [24, с. 126].

Поздравляя профессора Татьяну Николаеву Иванову с юбилеем, с чувством благодарности повторяю слова, которые напомнил Л.Н. Толстой в «Мыслях мудрых людей на каждый день»: «Многому я научился у своих наставников, еще более у своих товарищей, но более всего у своих учеников». Желаю радости от новых научных свершений, искренней и преданной любви учеников.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Список литературы

1. Алеврас, Н. Н. Историографические исследования в уральских научных центрах: актуальная проблематика и перспективы коммуникаций историографов в начале XXI века / Н. Н. Алеврас // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. – Екатеринбург, 2007. – Т. 1.

2. Алеврас, Н. Н. Как выйти из «шинели» советской историографии: опыт перехода историка Г.П. Мягкова глазами его современницы (в стиле эссе) / Н. Н. Алеврас // Историки об историках. К юбилею профессора Г.П. Мягкова / под ред. Л.П. Репиной, Н.И. Недашковской. – Москва : Аквилон, 2022. – С. 49–61.

3. Беленький, И. Научные школы в отечественной исторической науке / И. Беленький // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Г. Бордюгова. – Москва, 2011. – С. 371–376.

4. Гришина, Н. В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н. В. Гришина. – Челябинск, 2010. – 288 с.

5. Евдокимова, Н. П. В.Г. Ревуненков – ученый, оставивший след в науке / Н. П. Евдокимова, А. А. Петрова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2005. – Сер. 2, вып. 2. Университет: история и историки.

6. Зверева, Г. И. Научные школы в историческом контексте: новая книга о «русской исторической школе» / Г. И. Зверева, Л. П. Репина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 6. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – С. 364–370.

7. Иванова, Т. Н. В.И. Герье и начало изучения Великой Французской революции в России : дис.... канд. ист. наук / Т. Н. Иванова. – Ленинград, 1984. – 243 с.

8. Иванова, Т. Н. В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России (по материалам лекционных курсов Герье) / Т. Н. Иванова // Великая французская революция и Россия / под ред. А.В. Адо, В.Г. Сироткина. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 153–164.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

9. Иванова, Т. Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века) : автореф. дис.... д-ра ист. наук / Т. Н. Иванова. – Казань, 2011. – 48 с.

10. Иванова, Т. Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования / Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2009. – 381 с.

11. Иванова, Т. Н. Наставничество и функционирование научных школ в современной исторической науке / Т. Н. Иванова // Диалог со временем. – Вып. 92. – Москва : Аквилон, 2025. – С. 300–310.

12. Иванова, Т. Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века) / Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2010. – 381 с.

13. Иванова, Т. Н. Оценка книги А. Токвиля «Старый порядок и революция» русской буржуазно-либеральной историографией второй половины XIX – начала XX в / Т. Н. Иванова // Эпоха французской революции: проблемы историографии. К 200-летнему юбилею революции. – Чебоксары : Изд-во ЧувГУ, 1989. – С. 26–39.

14. Иванова, Т. Н. Анализ дискуссий о научной школе В.И. Герье в современной историографии / Т. Н. Иванова // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 4. – С. 31–37.

15. Иванова, Т. Н. Становление науки всеобщей истории в России: В.И. Герье и его учителя / Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. – Москва : Аквилон, 2014. – С. 532–571.

16. Иванова, Т. Н. Феномен школы В.И. Герье: коммуникативные практики в пространстве научного знания / Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. – Москва : Аквилон, 2014. – С. 572–644.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

17. Кирсанова, Е. С. Историко-теоретические взгляды В.И. Герье : автореф. дис.... канд. ист. наук / Е. С. Кирсанова. – Томск, 1982.

18. Кирсанова, Е. С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье / Е. С. Кирсанова. – Северск : Изд-е СГТИ, 2003. – 210 с.

19. Корзун, В. П. Научные школы в российской исторической науке (опыт осмысления последних десятилетий) / В. П. Корзун, Г. П. Мягков // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / отв. ред. О.В. Воробьева. – Москва : Аквилон, 2017. – С. 364–409.

20. Леонтьева, О. Б. Научная проблема как историографическая проблема / О. Б. Леонтьева // Профессиональная идентичность и самосознание историка / под общ. ред. О.В. Воробьевой. – Москва : ИВИ РАН, 2022. – С. 149–184.

21. Мягков, Г. П. Как соединить несоединимое: опыт «консервативного либерализма» В.И. Герье в оценке новейшей историографии / Г. П. Мягков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 12. – Москва : Эдиториал УРСС, 2004. – С. 373–380.

22. Мягков, Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» / Г. П. Мягков. – Казань : Изд-во Казанского университета, 2000. – 298 с.

23. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографические практики / Л. П. Репина. – Москва : Кругъ, 2011. – 560 с.

24. Репина, Л. П. Проблема идентификации научных школ в трансдисциплинарном пространстве современной науки / Л. П. Репина // Диалог со временем. – Вып. 92. – Москва : Аквилон, 2025. – С. 122–130.

25. Томилов, Н. А. Омские научные форумы исторического прошлого (юбилейные даты) / Н. А. Томилов // Исторические науки в Омске. – 2023. – Вып. 2 (10). – С. 15–16.

26. Фокин, А. Научное дерби в Челябинске. «Смеховая культура в России XVIII – XX вв. (Междисциплинарные подходы, проблемы, перспективы)» /

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

А. Фокин // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 115. – URL: https://web.archive.org/web/20130124121523/http://magazines.russ.ru/nlo/2012/115/ (дата обращения: 25.11.2026). – Текст : электронный.

27. Цыганков, Д. А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Д. А. Цыганков. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2008. – 256 с.

28. Цыганков, Д. А. Профессор Московского университета В.И. Герье (1837–1919) / Д. А. Цыганков // Новая и новейшая история. – 2002. – № 5.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)